

Веди свой плуг по костям мертвецов

Автор:

[Ольга Токарчук](#)

Веди свой плуг по костям мертвецов

Ольга Токарчук

Loft. Нобелевская премия: коллекция

От лауреата Нобелевской премии и Международного Букера.

"Возможно, мы недостаточно убедительно требуем пресечения зла? Можно смириться с мелочами, которые вызывают разве что некоторый дискомфорт, но не с бессмысленной, повсеместной жестокостью. Ведь это так просто: счастье других людей и нас делает счастливее."

Удивительная многослойность – визитная карточка нобелевского лауреата Ольги Токарчук, чьи тексты никогда не бывают простыми. Детектив, философия, аллюзии и пронзительная глубина лесных пейзажей... «Веди свой плуг по костям мертвецов» – это история героини с особым взглядом на привычное, чей внутренний мир мы разгадываем, словно по натальным картам.

Во многих смыслах это роман-расследование. В своем тексте Токарчук затейливо шагает по точкам противоположной полярности: жизнь и смерть, случайное существование и предначертанность, человек и природа, охотник и жертва.

Кто имеет право жить, а кто – убивать? И кому дается власть определить это?

"Токарчук – тот удивительный тип писателя, который хоть и немножко переживает реальность в самых неожиданных местах, но при этом не забывает увлекать читателя простым и понятным рассказом, простым и понятным

писательским любопытством". Анастасия Завозова (Esquire).

"Токарчук пишет портрет цивилизации, максимально широко исследуя ее главные черты – «текучесть, мобильность, иллюзорность»; и еще – вечное движение, которое давно стало символом жизни". Владимир Панкратов, литературный обозреватель

Ольга Токарчук

Веди свой плуг по костям мертвецов

Збышеку и Агате

1. А теперь берегитесь!

Некогда кроткий,

опасным путем

Шел праведник

Долиною смерти.

Я уже в таком возрасте и вдобавок таком состоянии, что перед сном мне непременно следует хорошенько вымыть ноги – на случай, если Ночью заберет «скорая».

Справься я в тот вечер в «Эфемеридах», что происходит на небе, вообще бы не ложилась спать. А я заснула очень крепко; прибегла к помощи чая с хмелем да еще приняла две таблетки валерьянки. Поэтому, когда посреди Ночи меня разбудил стук в дверь – внезапный, оглушительный и потому зловещий, – я не сразу пришла в себя. Вскочила с кровати и замерла, нетвердо стоя на ногах, – заспанному, напуганному телу никак не давался прыжок от невинности сна к яви. Я почувствовала головокружение, пошатнулась, точно вот-вот потеряю сознание. В последнее время такое со мной, к сожалению, случается, это связано с моими Недугами. Пришлось сесть и несколько раз повторить себе: я дома, Ночь, кто-то колотит в дверь – лишь тогда мне удалось взять себя в руки. Нашаривая впотьмах тапочки, я услышала, как стучавший обходит дом вокруг и что-то бормочет. Внизу, в нише для электросчетчика, я держу газовый баллончик, который дал мне Дионисий на случай встречи с браконьерами – и я подумала, что этот момент настал. В темноте мне удалось нащупать знакомую холодную поверхность, и теперь, вооружившись, я зажгла свет на крыльце. Выглянула в боковое окошко. Снег заскрипел, и в поле моего зрения появился сосед, которого я зову Матохой[1 - Домашний дух, приносящий всякого рода мелкие неприятности. (Здесь и далее – примеч. пер.)]. Матоха придерживал руками полы старого тулупа – я иногда видела, как сосед возится в нем по хозяйству возле дома. Из-под тулупа торчали ноги в полосатых пижамных штанах и тяжелых горных ботинках.

– Открой, – сказал он.

Матоха с нескрываемым удивлением взглянул на мой летний льняной костюм (я сплю в той одежде, которую летом собирались выбросить Профессор с женой и которая напоминает мне о моде былых времен и годах юности, – это позволяет совместить Полезное с Сентиментальным) и бесцеремонно вошел в дом.

– Оденься, пожалуйста – Большая Ступня умер.

Потрясенная, я на мгновение утратила дар речи, молча надела высокие ботинки и сняла с вешалки первую попавшуюся флисовую куртку. Снег перед крыльцом в светлом пятне фонаря превращался в медленный, сонный душ. Матоха безмолвно стоял рядом со мной – высокий, худой, костлявый, точно фигура, намеченная несколькими штрихами карандаша. При каждом движении с него осыпался снег, будто сахарная пудра с «хвороста».

– Как это «умер»? – наконец выдавила я из себя, открывая дверь, но Матоха не ответил.

Он вообще неразговорчив. Наверное, у него Меркурий в молчаливом знаке, полагаю, что в Козероге, а может, в конъюнкции, квадрате или же оппозиции к Сатурну. Возможен также ретроградный Меркурий – тогда он предопределяет скрытность.

Мы вышли из дома, и нас сразу окутал хорошо знакомый холодный и влажный воздух, который каждую зиму напоминает о том, что мир не был создан для Человека, и по меньшей мере на протяжении полугода демонстрирует нам свою неприязнь. Мороз нещадно атаковал наши щеки, изо рта поплыли белые облачка пара. Свет на крыльце погас автоматически, и мы шли по скрипучему снегу в абсолютной темени, если не считать налобного фонарика Матохи, дырявившего эту темень в одной-единственной точке, которая передвигалась вместе с ним. Я семенила во Тьме за спиной Матохи.

– У тебя нет фонаря? – спросил он.

Был, конечно, но где именно, я смогу узнать лишь утром, при дневном свете. С фонариками всегда так – их видно только днем.

Дом Большой Ступни стоял несколько в стороне, выше других. Он был одним из трех, обитаемых круглый год. Только Большая Ступня, Матоха и я жили здесь, не боясь зимы; остальные закупоривали свои дома уже в октябре, сливали воду из труб и возвращались в города.

Теперь мы свернули с более-менее расчищенной дороги, которая проходит через наш поселок и разделяется на дорожки к отдельным домам. К Большой Ступне вела тропинка, протоптанная в глубоком снегу, такая узкая, что ноги приходилось ставить одну перед другой, то и дело рискуя потерять равновесие.

– Зрелище малоприятное, – предупредил Матоха, обернувшись и на мгновение полностью ослепив меня своим налобным фонарем.

Ничего другого я и не ожидала. Он мгновение помолчал, потом сказал, будто бы оправдываясь:

– Меня насторожил свет у него на кухне и лай собаки, такой отчаянный. Ты ничего не слышала?

Нет, не слышала. Я спала, одурманенная хмелем и валерьянкой.

– А где она сейчас, эта Собака?

– Я забрал ее оттуда, отвел к себе, накормил – вроде успокоилась.

Мы снова помолчали.

– Он всегда ложился рано и выключал свет, экономил, а в этот раз свет все горел да горел. Такая светлая полоса на снегу. Ее видно из окна моей комнаты. Я и пошел, думал, может, он напился или собаку мучает – чего она так воет.

Мы миновали разрушенный сарай, и в следующее мгновение фонарик Матохи выхватил из темноты две пары глаз, мерцавших зеленоватым светом.

– Смотри-ка, Косули, – прошептала я возбужденно и схватила его за рукав тулупа. – Так близко к дому подошли. Не боятся?

Косули стояли в снегу почти по брюхо. Спокойно смотрели на нас, словно мы застали их за каким-то ритуалом, смысл которого нам недоступен. Было темно, и я не могла разглядеть – это те же Девы, которые приходили сюда осенью из Чехии, или какие-то другие? И почему, собственно, их только две? Тех было по меньшей мере четыре.

– Идите домой, – сказала я и замахала на них руками.

Они встрепенулись, но не сдвинулись с места. Спокойно проводили нас взглядом до самой двери. Меня пробрала дрожь.

Между тем Матоха топал перед дверью неухоженного домика, отряхивая снег с ботинок. Маленькие окошки были законопачены фольгой и бумагой, деревянная дверь покрыта черным рубероидом.

Стены в сенях были обложены дровами, неровными поленьями. Неприятное место, что и говорить. Грязное и неудобное. Всюду ощущался запах сырости, древесины и земли – мокрой, алчной. Многолетняя вонючая копоть осела на стенах толстым слоем.

Дверь на кухню была приоткрыта, и я сразу увидела распростертое на полу тело Большой Ступни. Мой взгляд едва скользнул по нему и тут же отшатнулся. Только через некоторое время я решилась снова посмотреть туда. Зрелище было ужасное.

Большая Ступня лежал скорчившись, в странной позе, руки у самой шеи, точно он пытался сорвать слишком тесный воротник. Медленно, словно загипнотизированная, я подходила ближе. Увидела открытые глаза, уставившиеся куда-то под стол. Грязная майка разорвана у горла. Такое впечатление, будто тело боролось с самим собой и – поверженное – пало. Я похолодела от Ужаса, кровь застыла в жилах и, казалось, отхлынула куда-то вглубь меня. Еще вчера я видела это тело живым.

– Боже мой, – пробормотала я. – Что случилось?

Матоха пожал плечами.

– Не могу дозвониться до Полиции, телефон снова ловит чешскую сеть.

Я вытащила из кармана мобильник, набрала номер, который запомнила из телепередач, – 997, и через мгновение отозвался чешский автоответчик. Вечно здесь так. Сети блуждают, невзирая на государственные границы. Иногда граница между операторами проходит через мою кухню, бывало, что она на несколько дней замирала возле дома Матохи или на террасе, но предсказать ее причудливое поведение трудно.

– Надо подняться повыше, за домом, на горку, – дала я запоздалый совет.

– Пока они приедут, тело полностью окоченеет, – сказал Матоха тоном, который я у него особенно не любила – этакое всезнайки. Он снял тулуп и повесил на спинку стула. – Не годится так его оставлять. Выглядит он ужасно, а был, как ни крути, нашим соседом.

Я смотрела на несчастное скрюченное тело Большой Ступни, и трудно было поверить, что еще вчера я боялась этого Человека. Он мне не нравился. Пожалуй, это даже мягко сказано – не нравился. Точнее было бы: казался отвратительным, ужасным. Собственно говоря, я вообще не считала его человеческим Существом. Теперь Большая Ступня лежал на заляпанном полу, в грязном белье, маленький и худой, бессильный и безвредный. Просто кусок материи, обратившийся вследствие непостижимых метаморфоз в самодостаточное и хрупкое бытие. Меня охватила печаль, пронзительная печаль, потому что даже такой дрянной человек, как он, не заслуживает смерти. А кто заслуживает? Меня ждет то же самое, и Матоху, и этих Косуль; все мы рано или поздно станем просто мертвой материей.

Я посмотрела на Матоху в поисках хоть какого-то утешения, но он уже начал застилать раскиданную постель – мышинное гнездо на сломанном диване, поэтому я попыталась мысленно утешить себя сама. Тогда мне пришло в голову, что в определенном смысле смерть Большой Ступни была благом. Она освободила нашего соседа от хаоса, каким являлась его жизнь. А других живых Существ освободила от него самого. Я вдруг осознала, насколько добра может быть смерть, насколько справедлива – будто дезинфицирующее средство, будто пылесос. О да, признаюсь, я об этом подумала и, если честно, продолжаю так думать и поныне.

Он был моим соседом, наши дома разделяет метров пятьсот, не больше, но я редко имела дело с Большой Ступней. К счастью. Видела его, как правило, издалека – передвигавшуюся на фоне пейзажа невысокую жилистую фигуру, всегда не очень твердо стоявшую на ногах. На ходу он бормотал что-то себе под нос, и порой ветер, эта акустическая система Плоскогорья, доносил до меня обрывки монолога, примитивного и однообразного. Лексикон Большой Ступни состоял преимущественно из ругательств, к которым он просто прибавлял имена.

Он знал здесь каждый клочок земли, поскольку, кажется, здесь родился и никогда не бывал дальше Клодзко. Большая Ступня разбирался в древесине – на чем можно заработать, кому что продать. Грибы, ягоды, ворованные дрова, сушняк на розжиг, силки, ежегодные ралли на джипах, охота. Лес кормил этого гнома. Так что ему следовало бы уважать лес, но он не уважал. Как-то в августе, во время засухи, поджег целый черничник. Я вызвала пожарных, но спасти мало что удалось. Я так и не смогла выяснить, зачем он это сделал. Летом бродил по окрестностям с пилой и валил деревья в самом соку. Когда я вежливо, с трудом

сдерживая Гнев, сделала ему замечание, он со всей прямоотой ответил: «Да пошла ты, старая перечница». Только более грубо. Вечно норовил что-нибудь украсть, стянуть, свистнуть; стоило кому-то из дачников оставить во дворе фонарик или секатор – Большая Ступня был тут как тут и моментально подбирал: все пригодится – можно потом продать в городе. Как по мне, он уже не раз заслужил какую-нибудь Кару или даже тюремное заключение. Не знаю, почему ему вечно все сходило с рук. Может, какие-то ангелы его охраняли; иногда случается, что они защищают не того, кого следует.

Еще я знала, что он браконьерствует всеми возможными способами. К лесу Большая Ступня относился как к своей вотчине – все, мол, тут его. По натуре это был типичный хищник.

Ему я обязана многими бессонными Ночами. От бессилия. Несколько раз я звонила в Полицию – если там и брали трубку, то вежливо выслушивали мое сообщение и ничего не предпринимали. Большая Ступня снова отправлялся в свой поход, забросив за плечо связку силков и издавая зловещие возгласы. Маленький злобный божок. Зловредный и непредсказуемый. Он всегда был в легком подпитии и от этого, видимо, всегда в таком раздраженном состоянии. Что-то бормотал себе под нос, палкой лупил по стволам деревьев, словно требуя, чтобы они расступились перед ним; казалось, он уже родился слегка причумленным. Не раз я ходила за соседом по пятам и подбирала примитивные проволочные силки – петли, привязанные к молодым согнутым деревцам так, что попавшееся в ловушку Животное взметывалось, точно выпущенное из пращи, и повисало в воздухе. Иногда мне попадались мертвые Животные – Зайцы, Барсуки и Косули.

– Надо перенести его на кровать, – сказал Матоха.

Мне не понравилась эта идея. Не понравилось, что придется к нему прикасаться.

– Думаю, надо подождать Полицию, – возразила я.

Но Матоха уже приготовил место на диване и засучил рукава свитера. Внимательно посмотрел на меня своими светлыми глазами.

– Ты бы небось не хотела, чтоб тебя нашли в таком виде. В таком состоянии. Не по-людски это.

О да, безусловно, человеческое тело выглядит не по-людски. Особенно мертвое.

Разве не заключен в этом некий мрачный парадокс – что именно мы должны возиться с телом Большой Ступни, что именно нам он предоставил заниматься этими последними хлопотами? Нам, соседям, которых он не уважал, не любил и презирал.

Как по мне, после Смерти должна происходить аннигиляция материи. Это было бы идеальным способом избавления от тела. Таким образом аннигилированные тела возвращались бы прямым путем в черные дыры, из которых явились. Души со скоростью света неслись бы к свету. Если такая штука, как Душа, вообще существует.

Преодолевая невероятное отвращение, я делала то, что велел Матоха. Мы подняли тело за руки и за ноги и перенесли на диван. К своему удивлению, я ощутила, что оно тяжелое и ничуть не кажется безвольным, скорее упорно неподатливым, неприятным, точно накрахмаленное белье после прачечной. Еще я увидела носки, вернее то, что их заменяло, – грязные тряпки, портянки, сделанные из разорванной на полосы простыни, серой и покрытой пятнами. Не знаю, почему вид этих портянок заставил меня содрогнуться – грудь, диафрагму, все тело, так, что я не смогла сдержать рыдания. Матоха взглянул на меня холодно, вскользь и явно укоризненно.

– Надо его одеть, пока они не приехали, – сказал он, и я видела, что у соседа тоже дрожит подбородок при виде этого человеческого убожества (хотя он по каким-то причинам не желает в этом признаться).

Сначала мы попытались стащить майку, грязную и вонючую, но и думать было нечего снять ее через голову, так что Матоха извлек из кармана какой-то хитроумный нож и разрезал ткань на груди. Теперь Большая Ступня лежал перед нами на диване полуголый, волосатый, словно тролль, со шрамами на груди и руках, с полустертыми татуировками, ни одной из которых я не сумела разобрать. Он насмешливо шурился, а мы искали в его полуразвалившемся шкафу какую-нибудь приличную одежду, пока тело не окоченело окончательно и снова не превратилось в то, чем, собственно, являлось – кусок материи. Рваные трусы торчали над поясом новеньких серебристых спортивных штанов.

Я осторожно размотала отвратительные портянки и увидела его ступни. Они меня потрясли. Мне всегда казалось, что ступни – наша наиболее интимная, наиболее личная часть тела, вовсе не гениталии, не сердце и даже не мозг, несущественные органы, значение которых все так переоценивают. Именно в ступнях сосредоточено все знание о Человеке, туда стекает с тела глубокий смысл – кто мы на самом деле такие и каково наше место на земле. В соприкосновении с землей, там, где она граничит с телом, заключена вся тайна – что мы сконструированы из элементов материи и одновременно отчуждены от нее, отделены. Ступни – наша вилка в розетку. И теперь эти ступни стали для меня доказательством его иного происхождения. Он не мог быть Человеком. Наверное, какая-нибудь безымянная тварь, одна из тех, что – как утверждал наш Блейк, – отливают из расплавленного металла бесконечность, обращают порядок в хаос. Может, Большая Ступня был чем-то вроде демона. Демоническое существо всегда узнаешь по ступням, они оставляют на земле особые следы.

Его ступни – очень длинные и узкие, с худыми пальцами и черными, бесформенными ногтями, казалось, были созданы, чтобы хватать. Большой палец немного отстоял от остальных, как на руках. И еще эти ступни поросли густыми черными волосами. Неужели такое бывает? Мы с Матохой переглянулись.

В почти пустом шкафу мы отыскали костюм кофейного цвета, немного заляпанный, но, в общем, почти не ношенный. Я соседа никогда в нем не видела. Большая Ступня всегда ходил в валенках и вытертых штанах, а к ним надевал клетчатую рубашку и стеганую безрукавку вне зависимости от времени года.

Одевание покойного навело меня на мысли о ласке. Не думаю, чтобы он при жизни знал такую нежность. Мы слегка поддерживали его под руки и натягивали одежду. Своей тяжестью тело налегало мне на грудь, и, преодолев волну естественного отвращения, от которого подташнивало, я вдруг подумала, что надо бы обнять его, похлопать по плечу, сказать что-то успокаивающее: не расстраивайся, мол, все будет хорошо. Однако я не сделала этого из-за присутствия Матохи. Вдруг бы он воспринял это как извращение.

Нереализованные действия обратились в мысли, и мне стало жаль Большую Ступню. Может, его бросила мать, и он был несчастен всю свою печальную жизнь. Многолетнее несчастье разрушает Человека сильнее, чем смертельная болезнь. Я никогда не видела, чтобы у него кто-то гостил, его не навещали ни

родственники, ни друзья. Даже грибники не останавливались возле его дома, чтобы поболтать. Люди боялись и не любили Большую Ступню. Кажется, он общался только с охотниками, и то редко. На вид ему было около пятидесяти, и я бы многое отдала, чтобы поглядеть на его восьмой дом – не обнаружатся ли там случайно объединенные неким аспектом Нептун с Плутоном и Марс где-нибудь на Асценденте, потому что Большая Ступня со своей зубастой пилой в жилистых руках напоминал хищника, который живет только ради того, чтобы сеять смерть и причинять страдания.

Надо было натянуть пиджак, поэтому Матоха приподнял и усадил покойника, и тогда мы заметили, что его огромный, распухший язык что-то удерживает во рту, и, немного поколебавшись, стиснув от отвращения зубы и то и дело отдергивая руку, я осторожно ухватила это что-то за кончик и обнаружила в своих пальцах косточку, длинную и тонкую, острую, точно стилет. Горло мертвеца испустило гортанное бульканье и воздух, чей тихий свист был почти неотличим от вздоха. Мы оба отскочили, и Матоха, вероятно, чувствовал то же, что и я: Ужас. Особенно после того, как в следующее мгновение на губах Большой Ступни показалась темно-красная, почти черная, кровь. Вытекший наружу зловещий ручеек.

Мы замерли, перепуганные.

– Ну что ж, – дрожащим голосом сказал наконец Матоха, – он подавился. Подавился костью. Кость застряла в горле, встала в горле кость, вот он и подавился, – нервно повторял мой сосед. А потом, будто успокаивая сам себя, бросил: – За работу. Конечно, это неприятно, но кто сказал, что наши обязанности по отношению к ближнему непременно должны быть приятными?

Я поняла, что он назначил себя руководителем этой ночной смены, и покорилась.

Теперь мы полностью погрузились в неблагоприятное занятие – попытки втиснуть Большую Ступню в бежевый костюм и достойно уложить покойного. Я уже давно не прикасалась к чужому телу, не говоря уже о мертвом. Чувствовала, как с каждой минутой в него вливается неподвижность, как оно с каждым мгновением коченеет; поэтому мы так спешили. И когда Большая Ступня уже лежал в парадном костюме, лицо его наконец утратило человеческое выражение, он превратился в труп, в этом не было никаких сомнений. И лишь указательный палец правой руки не желал подчиниться традиционному жесту смиренно сложенных ладоней, а торчал вверх, словно хотел этим привлечь наше

внимание, хоть на секунду остановить наши нервные, торопливые усилия. «А теперь берегитесь! – говорил этот палец. – Берегитесь, ибо существует нечто, чего вы не видите, важный начальный этап скрытого от вас процесса, весьма и весьма примечательного. Это из-за него все мы оказались в данном месте и времени, в маленьком домике на Плоскогорье, в Ночи среди снегов. Я – в виде мертвого тела, а вы – в качестве незначительных и немолодых человеческих Существ. Но это лишь начало. Все еще только начинает происходить».

Мы с Матохой стояли в холодной, сырой комнате, в морозной пустоте, воцарившейся в этот смутный серый час, и мне подумалось, что нечто, покидающее тело, уносит с собой фрагмент мира и, каким бы оно ни было – добрым или злым, грешным или непорочным, – оставляет после себя огромное ничто.

Я посмотрела в окно. Светало, и постепенно это небытие стали заполнять ленивые снежинки. Они медленно опускались, перемещаясь в воздухе и вращаясь вокруг своей оси, точно перышки.

Большая Ступня уже ушел, и не стоило предъявлять ему какие бы то ни было претензии или питать обиды. Осталось тело, мертвое, облаченное в костюм. Сейчас оно казалось спокойным и довольным, будто дух радовался, что наконец высвободился из материи, а материя радовалась, что наконец освобождена от духа. В течение этого короткого времени произошел метафизический развод. Конец.

Мы сели на пороге кухни, и Матоха взял со стола початую бутылку водки. Нашел чистую рюмку и налил – сначала мне, потом себе. Через заснеженные окна медленно сочился рассвет, молочный, как больничные лампочки, и в этом свете я заметила, что Матоха небрит, и щетина у него такая же седая, как мои волосы; что его полосатая застиранная пижама выбилась из-под тулупа, а сам тулуп испещрен пятнами всех видов и сортов.

Я выпила большую рюмку водки, согревшей меня изнутри.

– Думаю, мы выполнили свой долг по отношению к нему. Кто бы это сделал, кроме нас? – говорил Матоха, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. – Он был маленьким жалким сукиным сыном, ну так что ж?

Налил себе еще рюмку и выпил ее залпом, потом содрогнулся от отвращения. Было заметно, что он не привык пить.

- Пойду позвоню, - сказал Матоха и вышел. Мне показалось, что его тошнит.

Я встала и начала разглядывать этот ужасный беспорядок. Надеялась отыскать где-нибудь паспорт с датой рождения Большой Ступни. Мне хотелось знать, хотелось проверить Баланс его жизни.

На столе, застеленном вытертой клеенкой, стояла гусятница с запеченными кусками какого-то Животного, рядом, в кастрюле, дремал, укрывшись слоем белого жира, борщ. Отрезанный ломоть хлеба, масло в блестящей обертке. На драном линолеуме валялись объедки Животных, упавшие со стола вместе с тарелкой, так же как стакан и кусочки печенья, вдобавок все это было раздавлено и втоптанно в грязный пол.

И в эту минуту на подоконнике, на жестяном подносе, я увидела то, что мой мозг, защищаясь от увиденного, распознал не сразу: это была аккуратно отрезанная голова косули. Рядом лежали четыре копытца. Полуоткрытые глаза все это время внимательно наблюдали за нашими действиями.

О да, это была одна из этих изголодавшихся Дев, которые зимой доверчиво позволяют приманить себя мерзлыми яблоками, а попавшись в силки, умирают мучительной смертью, задушенные проволокой.

Я медленно пыталась представить себе, что здесь произошло, мгновение за мгновением, и меня охватил Ужас. Он поймал Косулю силками, убил, а тело расчленил, зажарил и съел. Одно Существо поедало другое, в тишине, в Ночи, в молчании. Никто не протестовал, гром не грянул. И все же. Кара настигла демона, хотя смертью не управляла ничья десница.

Я быстро, дрожащими руками принялась собирать объедки, маленькие косточки, в одно место, в кучку, чтобы потом похоронить. Нашла старый пакет и стала складывать их туда, в этот полиэтиленовый саван - косточку за косточкой. И голову тоже осторожно положила туда же.

Мне настолько хотелось узнать дату рождения Большой Ступни, что я начала судорожно искать его паспорт – на буфете, среди немногочисленных бумаг, листочков отрывного календаря и газет, затем в ящиках; там обычно держат документы жители деревенских домов. Там он и лежал – в потрепанной зеленой обложке, небось уже просроченный. На фотографии Большой Ступне было лет двадцать с небольшим – продолговатое, асимметричное лицо и прищуренные глаза. Он не был красив даже в то время. Огрызком карандаша я переписала дату и место рождения. Большая Ступня родился 21 декабря 1950 года. Здесь.

Должна добавить, что в этом ящике обнаружилось еще кое-что: пачка фотографий, совсем свежих, цветных. Я быстро, привычным движением, просмотрела их, и одна привлекла мое внимание. Я поднесла ее к глазам и уже было хотела отложить. Долго не могла понять, что передо мной. Внезапно воцарилась тишина и окутала меня коконом. Я смотрела. Мое тело напряглось, изготовившись к борьбе. В голове шумело, в ушах нарастал зловеший гул, гомон, будто из-за горизонта наступала многотысячная армия – голоса, бряцание железа, скрип колес, всё очень далеко. Гнев делает ум ясным и пронизательным, добавляет прозорливости. Он довлеет над другими эмоциями и подчиняет себе тело. Нет сомнений, что в Гневе берет свое начало всякая мудрость, ибо Гнев способен преодолеть любые границы.

Дрожащими руками я сунула фотографии в карман и тут же ощутила, как все сдвигается с места, как заводятся двигатели мира и начинает функционировать его механизм – скрипнула дверь, упала на пол вилка. Из моих глаз хлынули слезы.

На пороге стоял Матоха.

– Не стоит он твоих слез.

Он крепко сжал губы и сосредоточенно набирал номер.

– Опять чешская сеть, – бросил Матоха. – Придется подняться на горку. Пойдешь со мной?

Мы тихонько закрыли за собой дверь и зашагали по сугробам. На горке, в поисках сетей, Матоха начал поворачиваться на одном месте, вытянув перед собой руки с мобильниками. Перед нами лежала вся Клодзкая долина, омытая

серебряным, пепельным рассветом.

- Привет, сынок, - заговорил Матоха в телефон. - Не разбудил, нет?

Невнятный голос что-то ответил, я не разобрала.

- Видишь ли, у нас тут сосед умер. Думаю, костью подавился. Сейчас. Сегодня ночью.

Голос в телефоне опять что-то сказал.

- Нет. Сейчас позвоню. Не было сети. Мы его уже одели - с пани Душейко, знаешь, это моя соседка. - Матоха мельком взглянул на меня. - Пока совсем не окоченел...

Опять раздался голос, теперь, кажется, более раздраженный.

- В общем, он уже в костюме...

Тогда кто-то там, в трубке, начал говорить много и быстро, так, что Матоха отодвинул телефон от уха и недовольно посмотрел на него.

Потом мы позвонили в Полицию.

2. Тестостероновый аутизм

Пес голодный околет —

Англия не уцелеет.

Я была ему благодарна за приглашение зайти выпить горячего чая. Чувствовала себя совершенно разбитой, и от мысли, что придется возвращаться в свой пустой, холодный дом, мне стало грустно.

Я поздоровалась с Собакой Большой Ступни, которая уже несколько часов проживала у Матохи. Она узнала меня и явно обрадовалась. Виляла хвостом и, похоже, уже не помнила, что когда-то убежала из моего дома. Бывают на свете простодушные Псы – точно так же, как и люди, и эта Собака явно относилась к их числу.

Мы сели в кухне за деревянный стол, настолько чистый, что хоть ложись на него щекой, словно на подушку. Я так и сделала.

– Устала? – спросил Матоха.

Все здесь было светлым и чистым, теплым и уютным. Какое это счастье, если у тебя есть чистая и теплая кухня. Со мной такого никогда не случалось. Я не умела соблюдать вокруг себя порядок. И смирилась с этим. Ничего не поделаешь.

Не успела я оглянуться, как передо мной уже стоял стакан чая. На подставке, в красивом металлическом подстаканнике с круглой ручкой. Сахар в сахарнице был кусковой – эта картина напомнила мне о сладких временах детства и действительно улучшила довольно-таки дрянное настроение.

– Может, и в самом деле не стоило его трогать, – сказал Матоха и открыл ящик стола, чтобы достать чайные ложечки.

Собака крутилась под ногами, будто не желая выпускать его из орбиты своего маленького худосочного тельца.

– Ты меня уронишь, – сказал Матоха с неуклюжей нежностью. Я сразу поняла, что у него никогда раньше не было Собаки и сосед не очень знает, как с ней обращаться.

– Как ты ее назовешь? – спросила я, когда первые глотки чая согрели нутро и стоявший в горле клубок переживаний слегка подтаял.

Матоха пожал плечами.

– Не знаю, может, будет Муха или Шарик.

Я ничего не ответила, но мне не понравилось. Это не те имена, которые подходят этой Собаке, учитывая ее историю. Надо подумать.

До чего же нетворческий характер носят официальные имена и фамилии. Никто их не помнит, они настолько оторваны от человека и банальны, что ничем его не напоминают. К тому же у каждого поколения своя мода, и вдруг оказывается, что всех вокруг зовут Малгожата, Патрик или, не дай бог, Янина. Поэтому я стараюсь вообще не пользоваться именами и фамилиями – только прозвищами, которые приходят в голову самопроизвольно, когда видишь кого-нибудь в первый раз. Я уверена, что это самый правильный способ обращения с языком в отличие от жонглирования утратившими смысл словами. Например, фамилия Матохи – Сверцинский, так значит у него на двери, и еще инициал «С» – есть какие-нибудь имена на букву «С»? Он всегда представлялся Сверцинским, но это же не значит, что мы станем ломать себе язык, выговаривая такое. Мне кажется, все мы видим других Людей по-своему, поэтому имеем право давать им те имена, которые полагаем уместными и подходящими. Так что мы многоименны. У нас столько имен, сколько вокруг людей, с которыми мы вступили в какие-либо отношения. Я назвала Сверцинского Матохой и думаю, это прозвище точно отражает его Свойства.

Но сейчас, когда я посмотрела на Собаку, мне в голову сразу пришло человеческое имя – Марыся. Может, по ассоциации с сироткой Марысей из сказки – собака была такой же несчастной.

– Ее случайно не Марыся зовут? – поинтересовалась я.

– Возможно, – ответил Матоха. – Да, пожалуй, что да. Ее зовут Марыся.

Подобным образом появилось и прозвище Большая Ступня. Это было несложно, имя пришло само, когда я увидела следы на снегу. Матоха поначалу именовал его Мохнатым, но потом перенял от меня Большую Ступню. Это лишь доказывает, что имя я выбрала правильно.

К сожалению, для себя самой мне не удавалось подобрать никакого приличного имени. То, которое указано в документах, я считаю ужасно неподходящим и оскорбительным – Янина. Думаю, на самом деле меня зовут Эмилия или Иоанна. Иногда, правда, я склоняюсь к Ирмтруд или вроде того. Или Божигневе. Или Навоие.

Вот Матоха как огня избегает обращаться ко мне по имени. Это тоже что-нибудь да значит. Он всегда ухитряется обойтись без него.

– Подождешь со мной, пока они приедут? – спросил он.

– Конечно, – охотно согласилась я и осознала, что не смогла бы назвать его в лицо Матохой. Близкие соседи не нуждаются в именах, чтобы общаться друг с другом. Когда я прохожу мимо его дома и вижу, как он пропалывает огород, мне не требуется имя, чтобы обратиться к нему. Это особый вид близости.

Наш поселок – несколько домов, расположенных на Плоскогорье, вдали от остального мира. Плоскогорье – дальний геологический родственник Столовых гор, их отдаленное будущее. До войны наше поселение называлось Люфтцуг, то есть Сквозняк[2 - То есть в переводе с немецкого. Речь идет о «возвращенных территориях» – бывших немецких землях, отошедших к Польше по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций, а также переговоров с СССР 1945–1956 годов.], от которого сейчас осталось разве что неофициальное Люфциг, так как официально мы безымянны. На карте обозначены лишь дорога и несколько домов, буквы отсутствуют. Здесь всегда дует ветер, воздушные массы перекачиваются через горы с запада на восток, из Чехии к нам. Зимой ветер становится порывистым и свистящим, завывает в печных трубах. Летом зарывается в листья и шуршит; здесь никогда не бывает тихо. Многие люди могут себе позволить иметь один дом в городе, круглогодичный, официальный, а второй – эдакий легкомысленный, понарошку – в деревне. Именно так эти дома и выглядят – понарошку. Небольшие, приземистые, с крутыми крышами и маленькими окошками. Все построены до войны и все стоят одинаково: длинные стены смотрят на восток и запад, одна короткая – на юг, а другая, к которой примыкает овин, – на север. Только дом Писательницы чуть более эксцентричен – повсюду приделаны террасы и балконы.

Так что не приходится удивляться людям, покидающим Плоскогорье зимой. Здесь трудно живется с октября по апрель, уж я-то знаю. Каждый год выпадает много снега, а ветер старательно ваяет из него сугробы и дюны. В результате климатических изменений последнего времени потеплело везде, только не у нас на Плоскогорье. Наоборот, особенно в феврале, снега стало больше, и лежит он дольше. Мороз нередко достигает двадцати градусов, а зима полностью заканчивается в апреле. Дорога неважная, мороз и снег разрушают то, что по

мере своих возможностей пытается отремонтировать гмина. До асфальтового шоссе надо ехать четыре километра по ухабистой грунтовой дороге; впрочем, там, внизу, все равно заняться нечем – автобус в Кудову уходит утром и возвращается после обеда. Летом, когда у здешних детей, блеклых и немногочисленных, каникулы, автобус не ходит вовсе. В деревне есть дорога, которая незаметно, словно волшебная палочка, превращает ее в пригород небольшого городка. При желании эта дорога может привести во Вроцлав или Чехию.

Однако существуют люди, которых все это устраивает. Можно было бы выдвинуть целый ряд Гипотез, если задаться целью прояснить этот вопрос. Психология и социология многое бы тут подсказали, но меня эта тема совершенно не волнует.

Например, мы с Матохой не склоняем голову перед зимой. На самом деле, это не совсем точное определение – «не склонять голову»; скорее мы воинственно выпячиваем нижнюю челюсть, наподобие тех мужиков на мостике в деревне. Если задеть их каким-нибудь недружелюбным словом, услышишь: «Не, ну а чё? А чё?» В определенном смысле мы тоже провоцируем зиму, но она не обращает на нас внимания, как и весь прочий мир. Старые эксцентрики. Хиппи божьей милостью.

Зима бережно окутывает все вокруг белой ватой, максимально сокращает день, так, что опрометчиво засидевшись вечером, рискуешь проснуться во Тьме следующего дня – честно скажу, начиная с прошлого года такое случается со мной все чаще. Небо висит над нами темное и низкое, словно грязный экран, на котором разыгрываются нескончаемые баталии облаков. Для того дома и поставлены – защищать нас от этого неба, иначе оно проникло бы глубоко в тело, туда, где, подобно маленькому стеклянному шарик, таится наша Душа. Если нечто подобное вообще существует.

Не знаю, чем на протяжении этих темных месяцев занят Матоха, мы не поддерживаем настолько близких отношений, хотя – не стану скрывать – я была бы не против. Видимся раз в несколько дней и тогда обмениваемся парой приветственных слов. Не для того мы сюда перебрались, чтобы устраивать совместные чаепития. Матоха купил дом через год после меня и, похоже, решил начать новую жизнь – как всякий, у кого иссякли идеи и средства на прежнюю. Кажется, он работал в цирке, но я не знаю, был ли он там бухгалтером или, скажем, акробатом. Мне больше нравится думать, что акробатом, и видя, как он

прихрамывает, я представляю себе, что давным-давно, в благословенные семидесятые, во время какого-нибудь необычного номера случилось так, что Матоха не сумел дотянуться рукой до перекладины и рухнул вниз, на посыпанную опилками арену. Однако, хорошенько подумав, я признаю, что профессия бухгалтера вовсе не так уж плоха, а к присущей бухгалтерам любви к порядку отношусь с уважением, одобрением и неопишуемым восторгом. Любовь Матохи к порядку сразу бросается в глаза в его небольшом хозяйстве: дрова на зиму сложены причудливыми поленницами, напоминающими спираль. Получается аккуратный конус, пропорции которого безупречны. Эти поленницы можно считать произведениями искусства местного значения. Трудно остаться равнодушным при виде столь великолепной спиральной гармонии. Проходя мимо дома Матохи, я всегда на минутку останавливаюсь и люблю этим вдохновляющим сотрудничеством рук и разума, которое посредством столь банальной вещи, как дрова, выражает совершенство движения Вселенной.

Дорожка перед домом Матохи аккуратно посыпана гравием, и создается впечатление, будто гравий у него какой-то особый: идеально ровные камешки, отобранные вручную на фабриках-пещерах, где трудятся кобольды. На окнах висят чистые занавески, и все складки на них одинаковые; наверное, он пользуется каким-то специальным устройством. И цветы в саду у Матохи красивые и здоровые, прямые и стройные, словно фитнесом занимаются.

И вот теперь Матоха хозяйничал на кухне, угощая меня чаем, а я любовалась тем, как ровно расставлены стаканы в буфете, сколь безупречная салфетка лежит на швейной машинке. Так у него даже швейная машинка есть! Я смущенно зажала ладони между коленями. Давно я не уделяла им внимания. Что ж, не побоюсь признаться – ногти у меня откровенно грязные.

Когда сосед доставал чайные ложечки, передо мной на мгновение открылось содержимое его ящика, и я глаз не могла оторвать. Он был широкий и неглубокий, точно поднос. Внутри, в специальных отделениях, лежали тщательно рассортированные приборы и Орудия, без которых на кухне не обойтись. Каждая вещь имела свое место, хотя большинство Орудий были мне совершенно незнакомы. Костлявые пальцы Матохи, поколебавшись, выбрали две ложечки, которые тут же переместились на салатовые салфетки. К сожалению, поздно, я свой чай уже выпила.

Разговаривать с Матохой сложно. Он очень немногословен, а если нельзя говорить, следует молчать. С некоторыми людьми трудно разговаривать, чаще

всего это мужчины. У меня на сей счет имеется собственная Теория. У многих мужчин с возрастом развивается тестостероновый аутизм, проявляющийся в постепенном снижении социальной активности и потере способности к общению, а также в проблемах с формулированием мыслей. Страдающий этим Недугом Человек делается молчалив и кажется погруженным в размышления. Его больше привлекают различные Орудия и механизмы. Он интересуется Второй мировой войной и биографиями знаменитых людей, прежде всего политиков и преступников. Практически полностью утрачивает способность к чтению романов, поскольку тестостероновый аутизм препятствует пониманию психологии героев. Думаю, Матоха страдал этим Недугом.

Но в тот день под утро сложно было требовать от кого-либо красноречия. Мы были очень подавлены.

С другой стороны, я испытывала огромное облегчение. Иногда, если взглянуть на происходящее с более широкой перспективы, оставив в стороне выработанные Разумом Привычки, если принять во внимание Баланс поступков, можно прийти к выводу, что данная конкретная жизнь не приносила окружающим ничего хорошего. Думаю, все со мной согласятся.

Я попросила еще чаю, собственно говоря, только ради того, чтобы помешать его этой красивой ложечкой.

- Однажды я пожаловалась на Большую Ступню в Полицию, - сказала я.

Матоха на мгновение перестал вытирать насухо тарелочку для печенья.

- Из-за собаки? - спросил он.

- Да. И из-за браконьерства. И в письменном виде тоже.

- И что?

- И ничего.

- Ты хочешь сказать - хорошо, что он умер, да?

Еще до этого Рождества я отправилась в город, чтобы лично подать заявление. До сих пор я писала письма. Реакции на них ни разу не последовало, хотя официально гражданам полагается отвечать. Отделение Полиции оказалось небольшим и напоминало домик на одну семью, какие при социализме строились из того, что удавалось раздобыть, – нелепые и невеселые. И настроение здесь царило такое же. На крашеных стенах висели листы бумаги, и на всех значилось «Объявление»; ужасающее, между прочим, слово. Полиция использует массу на редкость омерзительных слов, таких, например, как «потерпевший» или «сожитель».

В этой обители Плутона от меня попытался отделаться сперва молодой человек, сидевший за деревянной перегородкой, затем какой-то его начальник постарше. Я хотела поговорить с Комендантом и настаивала на этом; я не сомневалась, что рано или поздно у обоих лопнет терпение и меня допустят пред его светлые очи. Ждать пришлось долго, я уже опасалась, что закроется магазин, а мне еще предстояло купить продукты. Опустились Сумерки, то есть время было около четырех – я прождала больше двух часов.

Наконец в конце рабочего дня в коридоре появилась какая-то молодая женщина и сказала:

– Заходите, пожалуйста.

Я немного отвлеклась, поэтому теперь пришлось сосредоточиться. Собираясь с мыслями, я направилась за женщиной на второй этаж, где располагался кабинет начальника местной Полиции.

Комендант был полным мужчиной, скажем так, моего возраста, но со мной разговаривал так, словно я была его матерью или даже бабушкой. Едва глянул в мою сторону и сказал:

– Сядьте.

И почувствовав, что этой формой выдал свое деревенское происхождение, кашлянул и поправился:

– Садитесь, пожалуйста.

Я почти читала его мысли – небось называл меня «теткой», а в наиболее кульминационные моменты моей обвинительной речи – «бабой». «Ненормальная баба», «чокнутая». Я видела, с каким отвращением он наблюдает за моими движениями и оценивает (отрицательно) мой вкус. Ему не нравились моя прическа, одежда и неуступчивость. Комендант со все возрастающей неприязнью изучал мое лицо. Однако и мне кое-что открылось: телосложение апоплексическое, много пьет и имеет слабость к жирной пище. Во время моей речи его большая лысая голова побагровела от затылка до кончика носа, а на щеках обозначились расширенные кровеносные сосуды, напоминавшие необычный боевой раскрас. Он наверняка привык командовать и ждать от других повиновения, а также не сдерживать свой Гнев. Тип Юпитера.

Еще я видела, что Комендант не все понимает из того, что я говорю, – во-первых, по той простой причине, что мои аргументы для него ничего не значат, во-вторых, он не знает многих слов. А еще – он из тех Людей, которые презирают то, чего не понимают.

– Он представляет угрозу для многих Существ, человеческих и нечеловеческих, – закончила я излагать свои претензии к Большой Ступне, рассказав о подозрениях и наблюдениях.

Комендант не мог сообразить, шучу я или же перед ним сумасшедшая. Другие варианты он не рассматривал. Я видела, как кровь на мгновение прилила к его лицу, он несомненно обладает эндоморфическим телосложением и рано или поздно умрет от апоплексического удара.

– Мы понятия не имели, что он занимается браконьерством. Разберемся, – сказал Комендант сквозь зубы. – Возвращайтесь домой и не беспокойтесь. Я его знаю.

– Ладно, – примирительно ответила я.

А он уже встал, опираясь о стол и явно давая понять, что визит окончен.

Достигнув определенного возраста, следует смириться с тем, что ты постоянно вызываешь в людях раздражение. Прежде я никогда не задумывалась над существованием и смыслом некоторых жестов – когда собеседник поспешно кивает, отводит взгляд, повторяет «да-да-да», словно попугай. Или поглядывает

на часы, потирает кончик носа – теперь-то я хорошо понимаю значение всего этого спектакля, который призван выразить простую фразу: «Оставь меня наконец в покое, чертова старуха». Я часто размышляла – если бы то же самое говорил какой-нибудь роскошный молодой красавец, к нему бы тоже так отнеслись? Или брюнетка в самом соку?

Комендант, видимо, ждал, что я вскочу и покину его кабинет. Но мне нужно было сообщить еще одну вещь, не менее важную.

– Этот Человек на целый день запирает свою Собаку в сарае. Она там воет, ей холодно, потому что помещение не отапливается. Не может ли Полиция навести порядок, отобрать у него Пса, а его самого примерно наказать?

Мгновение Комендант молча смотрел на меня, и то, о чем я подумала вначале, назвав это пренебрежением, теперь явственно отразилось на его лице. Уголки рта опустились, а губы слегка оттопырились. Я также видела, что он пытается держать себя в руках. Прикрыть это выражение лица искусственной улыбкой, обнажившей большие, пожелтевшие от курения зубы. Комендант сказал:

– Знаете, Полиция такими делами не занимается. Собака есть собака. Деревня есть деревня. А чего вы хотели? Собак тут держат в конуре, на цепи.

– Я извещаю Полицию о том, что происходит нечто неладное. Куда же мне обращаться, как не в Полицию?

Он захохотал.

– Раз, вы говорите, неладное, так, может, к ксендзу? – бросил Комендант, довольный своим чувством юмора, но, кажется, сообразил, что меня не особенно рассмешила его шутка, потому что вдруг посерьезнел. – Наверняка имеются какие-нибудь организации по защите животных. Поищите в телефонном справочнике «Общество защиты животных», вот туда и обращайтесь. Мы – человеческая Полиция. Позвоните во Вроцлав. У них там есть какая-то служба.

– Во Вроцлав! – воскликнула я. – Как вы можете так говорить! Это входит в обязанности местной Полиции, я закон знаю.

– О! – иронически улыбнулся он. – Это вы мне будете рассказывать, что входит в мои обязанности, а что – нет?

Воображение моментально нарисовало мне наши армии, выстроившиеся на равнине и изготовившиеся к битве.

– Да, с удовольствием, – и уже было собралась произнести длинную речь.

Комендант в панике глянул на часы и, взяв себя в руки, попытался скрыть пренебрежение.

– Ну ладно, мы рассмотрим это дело, – помолчав, равнодушно сказал он, после чего начал собирать со стола бумаги и складывать их в портфель. Ускользнул все-таки.

И тогда я подумала, что он мне не нравится. Более того, на меня внезапно накатила волна неприязни, жгучей, как хрен.

Комендант решительным движением поднялся из-за стола, и я увидела, что у него огромное брюхо, которое не под силу было удержать кожаному форменному ремню. Брюхо застенчиво пряталось где-то внизу, в неудобной, позабытой области гениталий. Шнурки были развязаны – видимо, он под столом снимал ботинки. Теперь следовало поскорее обуться.

– Можно узнать дату вашего рождения? – уже стоя на пороге, вежливо спросила я.

Комендант остановился, озадаченный.

– А зачем вам? – спросил он подозрительно, открывая передо мной дверь в коридор.

– Я составляю Гороскопы, – сказала я. – Хотите? Могу и вам составить.

На его лице появилась веселая улыбка.

– Нет, спасибо. Меня астрология не интересует.

- Узнаете, чего ждать в будущем. Не хотите?

Тогда он заговорщицки взглянул на дежурного полицейского, сидевшего при входе, и, иронически улыбаясь, будто участвуя в забавной детской игре, продиктовал мне все данные. Я записала их, поблагодарила и, натягивая капюшон, двинулась к выходу. На пороге еще услышала, как оба прыснули со смеху, и до меня донеслись эти в недобрый час сказанные слова:

- Психопатка ненормальная.

В тот же вечер, сразу после того как опустились Сумерки, Пес Большой Ступни снова начал выть. Воздух стал голубым, острым, словно бритва. Матовый, низкий голос наполнял его тревогой. Смерть у ворот, подумала я. И сама себе возразила: но смерть ведь всегда у наших ворот, в любое время дня или Ночи. Что ж, лучший собеседник – это ты сам. По крайней мере не приходится ждать недоразумений. Я устроилась на диванчике в кухне и лежала, не в состоянии заняться ничем другим, вслушиваясь в этот пронзительный голос. Когда несколько дней назад я отправилась к Большой Ступне с целью Вмешательства, он меня даже в дом не пустил, сказал, чтобы не совала нос в чужие дела. Правда, эта нелюдь все же выпустила Собаку на несколько часов, но потом опять заперла ее в темнице, и Ночью та снова выла.

Итак, я лежала в кухне на диване, пытаюсь думать о чем-нибудь другом, но у меня, разумеется, ничего не выходило. Я чувствовала, как мышцы наполняются беспокойной, вибрирующей энергией, еще немного – и она разорвет мне ноги.

Я вскочила, натянула сапоги и куртку, схватила молоток, металлический прут и другие Орудия, которые попались мне под руку. Вскоре, запыхавшаяся, я уже стояла возле сарая Большой Ступни. Его не было дома, свет не горел, из трубы не поднимался дым. Запер Пса и скрылся. Неизвестно, когда вернется. Но даже будь он дома, я бы сделала то же самое. Через несколько минут – я совершенно взмокла от усилий – мне удалось сломать деревянную дверь: доски у замка разошлись, и я сумела отодвинуть засов. Внутри было темно и влажно, валялись какие-то старые, ржавые велосипеды, лежали пластиковые бочки и прочий хлам. Собака стояла на груде досок, на шее была веревка, которой ее привязали к стене. Мне еще бросилась в глаза кучка экскрементов, видимо, она всегда гадила в одном и том же месте. Собака робко виляла хвостом. Счастливая,

смотрела на меня влажными глазами. Я разрезала веревку, взяла Собаку на руки, и мы пошли домой.

Я пока не знала, как поступить. Иногда, когда Человека охватывает Гнев, все кажется ему очевидным и простым. Гнев приносит порядок, позволяет увидеть мир в более сжатой и естественной форме, в Гневе Человек снова обретает дар ЯсноВидения, которого сложно достичь в другом состоянии.

В кухне я опустила Собаку на пол и удивилась, насколько она мала и тщедушна. Судя по голосу, этому мрачному вою, можно было ожидать чего-нибудь размером хотя бы со Спаниеля. А это оказался один из Судетских Уродцев, как именуют здесь подобных Псов, поскольку особой миловидностью те не отличаются. Небольшие, на тоненьких ножках, часто кривоватых, серо-бурой масти, склонные к полноте, да еще и с заметным изъёмом прикуса. Что и говорить, красотой эта ночная певица не блистала.

Она беспокоилась и вся дрожала. Выпила пол-литра теплого молока, от чего брюшко стало круглым, как мячик, еще я поделилась с ней хлебом с маслом. Я не ждала Гостей, поэтому мой холодильник был совершенно пуст. Я ласково разговаривала с ней, комментируя все свои действия, а она смотрела на меня вопросительно, явно не понимая причины столь внезапной перемены в жизни. Потом я улеглась на свой диванчик, посоветовав ей тоже подыскать себе место для отдыха. Наконец Собака залезла под батарею и уснула. Мне не хотелось оставлять ее на кухне одну, поэтому я решила переночевать здесь.

Спала я беспокойно, по телу, видимо, все еще перекатывалось возмущение, притягивая одни и те же сны о жарких, раскаленных печах, бесчисленных котельных с красными, горячими стенами. Запертое в печи пламя гудело и рвалось на волю, чтобы, когда это произойдет, с ужасным взрывом выскочить наружу и сжечь все дотла. Думаю, эти сны могли быть проявлением ночной лихорадки, связанной с моими Недугами.

Я проснулась рано утром, когда было еще совершенно темно. От неудобной позы шея совсем затекла. Собака стояла у изголовья и, глядя на меня в упор, жалобно повизгивала. Покряхтывая, я встала, чтобы ее выпустить – ну разумеется, выпитое молоко наверняка просилось обратно. В открытую дверь дохнуло холодным, влажным воздухом, в котором ощущался запах земли и гнили – точно

из могилы. Собака вприпрыжку выбежала из дома, помочилась, смешно поднимая заднюю лапу, словно не могла решить, кто же она такая – Мальчик или Девочка. Затем печально посмотрела на меня – могу вас заверить, что она заглянула глубоко в мои глаза, – и помчалась к дому Большой Ступни.

Так Собака вернулась в свою Тюрьму.

Только ее и видели. Я звала Собаку, сердясь, что позволила так легко себя обмануть и бессильна против механизмов рабства. Я уже начала было надевать сапоги, но это страшное серое утро напугало меня. Иногда мне кажется, что мы обитаем в склепе, большом, просторном, многоместном. Я смотрела на мир, окутанный серой Тьмой, холодной и неудобной. Тюрьма не вовне, она внутри каждого из нас. Возможно, мы не умеем без нее жить.

Через несколько дней, еще до сильного снегопада, я видела у дома Большой Ступни полицейскую машину. Признаюсь, эта картина меня порадовала. Да, я испытала удовлетворение оттого, что Полиция наконец заявила к нему. Разложила два пасьянса, они сошлись. Представляла себе, как его арестуют, выведут в наручниках, конфискуют запасы проволоки, отберут пилу (на это Орудие следовало бы выдавать такое же разрешение, как на оружие, поскольку при помощи его наносится огромный вред миру растений). Однако автомобиль уехал без Большой Ступни, быстро сгустились Сумерки и пошел снег. Собака, которую снова заперли, выла весь вечер. Первое, что я увидела утром на чудесном, безусловно белом снегу, – неровную цепочку следов Большой Ступни и желтые пятна мочи вокруг моей серебряной Ели.

Вот что я вспомнила, когда мы сидели на кухне Матохи. И еще своих Девочек.

Матоха, слушая мой рассказ, сварил яйца всмятку и теперь подал их в фарфоровых рюмках.

– Я не так доверяю органам власти, как ты, – сказал он. – Все приходится делать самому.

Не знаю, что он тогда имел в виду.

3. Вечный Свет

Рожденный Матерью Земной

Опять смешается с Землей.

Когда я вернулась домой, было уже светло, и я совсем утратила ощущение реальности, потому что мне снова казалось, что я слышу топот Девочек по полу в сенях, вижу их вопросительные взгляды, морщинки на лбу, улыбку. И тело уже приготовилось к ритуалу приветствия, к нежности.

Но дома было совершенно пусто. Холодная белизна втекала в окна мягкими волнами, и огромное открытое пространство Плоскогорья настойчиво просилось внутрь. Я спрятала голову Косули в гараже, где было холодно, подбросила в печь дров. Легла в чем была и заснула мертвым сном.

– Пани Янина.

И через мгновение снова, громче:

– Пани Янина!

Меня разбудил голос в сенях. Низкий, мужской, робкий. Кто-то стоял и звал меня ненавистным Именем. Я была зла вдвойне: потому что мне снова не давали спать и потому что называли по Имени, которое я не люблю и не приемлю. Мне дали его случайно и необдуманно. Так происходит, когда Человек не вникает в значение Слов и тем более Имен, употребляя их как попало. Я не разрешаю обращаться ко мне «пани Янина».

Я встала и отряхнула одежду, которая выглядела не лучшим образом – я спала в ней уже не первую Ночь, – и выглянула из комнаты. В сенях, в луже растаявшего снега, стояли двое деревенских. Оба высокие, плечистые и усатые. Они вошли, потому что я не заперла дверь, и, видимо, ощущали естественную неловкость.

– Мы бы хотели попросить вас прийти туда, – хрипло сказал один.

Мужчины извиняюще улыбнулись, и я увидела, что у них одинаковые зубы. Я узнала их, они работали на вырубке леса. Время от времени мы сталкивались в магазине, в деревне.

– Я только что оттуда, – буркнула я.

Мужчины сказали, что Полиции еще не было, ксендза ждут. Что Ночью замело дороги. Даже по шоссе на Чехию и Вроцлав не проехать, трейлеры стоят в огромных пробках. Но новости быстро разносятся по округе, и пешком пришли кое-какие знакомые Большой Ступни. Приятно было услышать, что у него имелись знакомые. Казалось, капризы погоды поднимают людям настроение. Метель в качестве противника все-таки предпочтительнее смерти.

Я пошла за ними, мы шагали по пушистому белому снежку. Он был свежим и разрумянился от низкого зимнего Солнца. Мужчины прокладывали мне путь. Оба были обуты в прочные резиновые сапоги с войлочными голенищами, зимой это здесь самая модная модель. Широкими подошвами они вытаптывали для меня узкий тоннель.

Перед домом стояли еще мужчины, курили. Отводя глаза, неуверенно поклонились. Смерть знакомого человека лишает нас уверенности в себе. У всех было одинаковое выражение лица – праздничной серьезности и официальной торжественной печали. Они переговаривались приглушенными голосами. Те, кто докурил, заходили в дом.

Все мужчины без исключения были усаты. Они мрачно обступили диван с телом. То и дело открывалась дверь и появлялись новые, внося в комнату снег и металлический запах мороза. Это были главным образом бывшие работники совхоза, которые теперь получали пособие по безработице и время от времени нанимались рубить лес. Кое-кто ездил на заработки в Англию, но вскоре вернулся, испугавшись чужбины. Другие упрямо возделывали свои маленькие участки земли, не дававшие никакой прибыли и державшиеся на плаву только благодаря евросоюзским дотациям. Одни мужчины. В комнате сделалось душно от их дыхания, теперь уже ощущался легкий запах перегара, табака и сырой одежды. Они поглядывали на покойника, украдкой, поспешно. Было слышно шмыганье носом, но непонятно, от мороза или, может, действительно у

этих крепких мужиков наворачивались на глаза слезы и, не находя другого выхода, вытекали из носа. Не было ни Матохи, ни других знакомых.

Один из присутствующих вытащил из кармана несколько плоских свечек в металлических подсвечниках и протянул их мне столь уверенным движением, что я машинально взяла, не слишком понимая, что с ними делать. Прошло некоторое время, прежде чем я сумела оценить его идею. Ну конечно, надо расставить и зажечь эти свечи, тогда получится строго и торжественно. Может, их пламя высвободит слезы, которые скатятся в пышные усы. И это всем принесет облегчение. Поэтому я занялась свечками и подумала, что многие из присутствующих превратно поняли мои действия. Решили, что я – распорядитель церемонии, дирижер погребального действия, потому что, когда загорелись свечи, все вдруг затихли и вперили в меня печальные взоры.

– Начинайте же, – прошептал один, которого я, казалось, откуда-то знала.

Я ничего не поняла.

– Начинайте петь.

– А что петь? – Я не на шутку забеспокоилась. – Я не умею петь.

– Что угодно, – сказал он. – Лучше всего «Вечный покой».

– Но почему я?

Тогда тот, что стоял ближе других, твердо ответил:

– Потому что вы – женщина.

Вот оно что. Вот такой, значит, сегодня расклад. Я не понимала, какое отношение имеет к пению мой пол, но не хотела в такую минуту противиться традиции. «Вечный покой». Мелодию я помнила с детства; став взрослой, похороны уже не посещала. Только слова забыла. Но оказалось, что достаточно начать, и охрипший хор мгновенно присоединился к моему слабому голосу, образовав шаткую, фальшивую полифонию, которая крепла с каждым повтором. И я вдруг почувствовала облегчение, мой голос сделался увереннее, и я быстро

вспомнила простые слова о Свете Вечном, который, как мы уповали, будет сиять и Большой Ступне.

Так мы пели около часа, все одно и то же, пока слова не перестали что-либо значить, словно это была морская галька, которую непрерывно обтачивают волны, делая камешки круглыми и похожими друг на друга, как песчинки. Вне всяких сомнений, это давало передышку, мертвое тело утрачивало реальность и наконец превратилось в повод для встречи измученных тяжким трудом людей на ветреном Плоскогорье. Мы пели о Свете, который, правда, существует где-то далеко и пока неразличим, но стоит нам умереть, как мы его узрим. Сейчас мы видим его сквозь стекло, в кривом зеркале, однако когда-нибудь предстанем прямо перед ним. И он окутает нас, ведь это наша мать – этот Свет, из него мы появились. И даже носим в себе его частицу, каждый из нас, даже Большая Ступня. Поэтому, в сущности, смерть должна нас радовать. Так я размышляла, пока пела, хотя на самом деле никогда не верила в некое персонализированное распределение Света. Никакой Господь не станет этим заниматься, никакой небесный бухгалтер. Как может столько выстрадать одно существо, тем более всеведущее? – думаю, оно бы рассыпалось под натиском этой боли, разве что заранее обеспечило бы себе какие-то защитные механизмы, подобные человеческим. Только машина в состоянии вынести всю мировую боль. Только механизм – простой, эффективный и справедливый. Однако если бы все происходило механически, к чему тогда наши молитвы?

Когда я вышла во двор, оказалось, что усатые мужчины, пославшие за ксендзом, уже приветствуют того возле дома. Он не смог проехать из-за снежных заносов, где-то застрял, и лишь теперь удалось привезти его на тракторе. Ксендз Шелест (так я его про себя назвала) отряхнул сутану и ловко спрыгнул на землю. Ни на кого не глядя, быстро вошел в дом. Я стояла так близко, что ощутила его запах – одеколона и печного дыма.

Оказалось, что Матоха нашел чем заняться. Одетый в свой рабочий тулуп, он, подобно церемониймейстеру, наливал из большого китайского термоса кофе в пластиковые стаканчики и раздавал присутствующим. Итак, мы стояли перед домом и пили горячий, сладкий кофе.

Вскоре приехала Полиция. То есть не приехала, а пришла, потому что машину они вынуждены были оставить на асфальтированной дороге – за неимением зимних шин.

Это были двое полицейских в форме и один в штатском, в длинном черном пальто. Прежде чем, отдуваясь, они добрались в своих облепленных снегом ботинках до крыльца, мы все вышли на улицу. Продемонстрировав, как мне кажется, любезность и уважение к представителям власти. Те, что в форме, вели себя сухо, подчеркнуто официально, и было заметно, что они едва сдерживают злость на весь этот снег, долгий путь и вообще обстоятельства данного дела. Отряхнули ботинки и молча скрылись в доме. А незнакомец в черном пальто ни с того ни с сего подошел к нам с Матохой.

- Ну здравствуйте. Добрый день. Привет, папа.

Он сказал: «Привет, папа», - и эти слова относились к Матохе.

Я бы никогда не подумала, что у Матохи может быть сын-полицейский, да еще в таком забавном черном пальто.

Матоха довольно неловко представил нас друг другу, он был смущен, но я даже не запомнила официального имени Черного Пальто, поскольку они сразу отошли в сторону и я услышала, как сын распекает отца:

- Ради бога, папа, зачем вы трогали тело? Вы что, кино не смотрите? Всем известно: что бы ни случилось, до приезда Полиции тело трогать нельзя.

Матоха робко оправдывался, точно его угнетал разговор с сыном. Я думала, что будет наоборот, что разговор с собственным ребенком придаст ему сил.

- Он выглядел ужасно, сынок. Ты бы тоже так поступил. Он чем-то подавился, тело было все выкручено, в грязи... Это же наш сосед, мы не хотели оставлять его на полу, как, как... - Матоха подыскивал слово.

- ...животное, - уточнила я, подходя ближе; невозможно было слушать, как Черное Пальто выговаривает отцу. - Он подавился костью убитой Косули. Месть браконьеру с того света.

Черное Пальто мельком взглянул на меня и обратился к отцу:

- Папа, тебя могут обвинить в том, что ты запутываешь следствие. И вас тоже.

- Ты, наверное, шутишь! Вот так дела... А ведь у меня сын прокурор...

Тот решил завершить этот неловкий разговор.

- Ну ладно, папа. Позже вам обоим придется дать показания. Возможно, будут делать вскрытие.

Он похлопал Матоху по плечу, и в этом ласковом жесте ощущалось чувство превосходства, как будто сын говорил: ладно, старик, теперь я этим займусь.

После чего он исчез в доме покойного, а я, не дожидаясь вердикта Полиции, отправилась домой, замерзшая, с охрипшим горлом. С меня хватит.

Из моих окон было видно, как со стороны деревни приближается снегоочистительная машина, которую все здесь называли Белоруской. Благодаря ей вечером к дому смог подъехать катафалк – длинный, приземистый, темный автомобиль с черными занавесками на окнах. Но только подъехать. Когда около четырех, перед самым наступлением темноты, я вышла на террасу, то заметила вдалеке движущееся по дороге черное пятно – это усатые мужчины самоотверженно толкали катафалк с телом товарища в гору, к вечному покою в сиянии Вечного Света.

* * *

Обычно телевизор включен целый день начиная с завтрака. Это меня успокаивает. Когда за окном царит зимняя мгла или рассвет уже через несколько часов незаметно обращается во Тьму, возникает ощущение, будто там ничего нет. Выглядываешь наружу, а стекла отражают лишь то, что внутри, – кухню, маленький, захламленный центр Вселенной.

Затем и телевизор.

У меня большой выбор программ; антенну, похожую на эмалированный таз, привез однажды Дэн. Она ловит несколько десятков каналов, но это слишком много. И десяти было бы много. И двух. Собственно, я смотрю только прогноз погоды. Разыскала этот канал и счастлива, что могу получить все, в чем

нуждаюсь, поэтому даже пульт куда-то задевала.

Так что меня с самого утра сопровождает картина атмосферных фронтов, идеальные абстрактные линии на картах, синие и красные, неумолимо приближающиеся с запада, с чешского и немецкого неба. Они несут воздух, которым только что дышала Прага, а может и Берлин. Который пришел с Атлантики, пронесся над всей Европой – можно сказать, что воздух у нас здесь, в горах, морской. Особенно я люблю, когда показывают карты атмосферного давления, которые объясняют внезапное нежелание встать с постели, боль в коленях или что-то еще – необъяснимую печаль, которая очевидно сродни тропосферному фронту, капризной змеевидной линии в земной атмосфере.

Меня трогают спутниковые фотографии и кривизна Земли. Значит, это правда, что мы живем на поверхности шара, открытые всем планетам, заброшенные в огромную пустоту, где рассеялся, собравшись после Падения в мелкие крошки, свет? Правда. Следует ежедневно напоминать нам об этом, потому что мы забываем. Нам кажется, будто мы свободны, а Бог нам простит. Лично я так не считаю. Любой поступок, превратившись в едва ощутимое колебание фотонов, в конце концов устремится в Космос, словно фильм, который планетам предстоит смотреть вечно.

Когда я завариваю себе кофе, обычно передают прогноз погоды для лыжников. Демонстрируют шероховатый мир гор, спусков и долин и прихотливый снежный покров – на шершавой коже Земли лишь кое-где белеют лоскуты снега. Весной на место лыжников приходят аллергики, и картина становится более красочной. Плавные линии обозначают опасную территорию. Где красное, там природа атакует яростнее всего. Целую зиму она ждала в дреме, чтобы теперь наброситься на хрупкую иммунную систему Человека. Однажды она окончательно от нас избавится. Перед выходными показывают прогноз погоды для водителей, но их мир сводится к нескольким линиям немногочисленных отечественных автострад. Такое разделение людей на три группы – лыжники, аллергики и водители – представляется мне весьма убедительным. Классификация продуктивная и нехитрая. Лыжники – гедонисты. Они мчатся по горным склонам. Водители предпочитают держать судьбу в собственных руках, хотя от этого часто страдает спина; оно и понятно, жизнь – бремя нелегкое. Зато аллергики – постоянно на линии фронта. Я, вне всяких сомнений, аллергик.

Мне бы еще хотелось канал о звездах и планетах. «ТВ Космические воздействия». Собственно, он бы тоже сплошь состоял из карт, показывал линии

воздействий, поля планетарного поражения. «Уважаемые телезрители, над эклипстикой начинает свое восхождение Марс, вечером он пересечет пояс воздействия Плутона. Просьба оставить автомобили в гаражах и на крытых стоянках, а также спрятать ножи, осторожно спуститься в погреб, кроме того, пока эта планета будет проходить через знак Рака, рекомендуем избегать купания и ловко уклоняться от семейных ссор», – так говорила бы стройная, изящная телеведущая. Мы бы узнали, отчего сегодня опаздывали поезда, а почтальон увяз в сугробах вместе со своим «Фиатом», почему не удался майонез, а головная боль внезапно утихла сама, без таблетки, так же неожиданно, как и началась. Знали бы, когда точно можно начинать красить волосы и на какой день планировать свадьбу.

Вечером я наблюдаю за Венерой, тщательно слежу за изменениями, происходящими с этой прекрасной Девой. Я предпочитаю ее в роли Вечерней Звезды, когда она появляется словно бы ниоткуда, по волшебству, и опускается вслед за Солнцем. Искра извечного света. Именно в Сумерках происходят самые интересные вещи, потому что тогда исчезают несущественные различия. Я могла бы жить в вечных Сумерках.

4. 999 смертей

Солнце, знай оно сомненья,

Грело б дьявола в геенне.

Голову Косули я похоронила на следующий день на своем кладбище возле дома. Опустила в землю почти все, что взяла из дома Большой Ступни. Пакет, на котором остались пятна крови, повесила на ветку сливы, как дань памяти. Туда сразу напал снег, который ночной мороз превратил в лед. Мне пришлось потрудиться, чтобы выкопать в мерзлой каменистой почве эту яму. Слезы застывали на моих щеках.

На могилу я, как обычно, положила камень. На моем кладбище уже немало подобных надгробий. Здесь покоились некий старый Кот, чей истлевший труп я нашла в погребе, когда купила этот дом, и Кошка, полудикая, которая умерла

после родов вместе со своими Малышами; Лис, которого убили лесорубы, утверждая, что он был бешеный, несколько Кротов и Косуля, которую прошлой зимой загрызли Псы. Это лишь некоторые Животные. Найденных в лесу, в силках Большой Ступни, мертвыми я просто переносила на другое место, чтобы они, по крайней мере, пошли кому-нибудь в пищу.

С этого маленького кладбища, расположенного в красивом месте, на пологом склоне над прудом, было видно, наверное, все Плоскогорье. Я бы тоже хотела здесь лежать и отсюда заботиться обо всем – всегда.

Я старалась дважды в день обходить свои владения. Нужно постоянно следить за Люфцигом, раз уж взялась за это дело. Я навещала по очереди каждый из домов, за которые отвечала, а потом поднималась на горку, чтобы окинуть взглядом все наше Плоскогорье разом.

Оттуда было видно то, чего не увидишь с близкого расстояния: зимой следы на снегу фиксируют здесь каждое движение, все должно быть учтено, снег, будто летописец, старательно записывает шаги Животных и людей, увековечивает немногочисленные отпечатки автомобильных шин. Я внимательно осматривала наши крыши – не нависает ли где снег, который может оборвать водосточный желоб или – не дай бог – скопиться возле дымохода или где-нибудь еще, а потом начнет медленно таять, и вода потечет под черепицу. Разглядывала окна – целы ли стекла, не пропустила ли я чего-нибудь во время предыдущего визита, вдруг, например, остался гореть свет; всматривалась в дворы, двери, ворота, сараи, поленницы.

Я была хранителем имущества моих соседей, пока сами они в городе предавались зимним занятиям и развлечениям – проводила здесь вместо них зиму, берегла их дома от холода и влаги и следила за их бренными пожитками. И, следовательно, сотрудничала от их имени с Теменью.

К сожалению, опять напомнили о себе мои Недуги. Обычно они усиливаются из-за стресса или других чрезвычайных событий. Иногда достаточно одной бессонной Ночи, чтобы все начало меня беспокоить. Дрожат руки, и кажется, что по телу пробегает ток, словно его окутывает невидимая электрическая сеть, и меня настигает чья-то Кара – по мелочи, наугад. Тогда плечи или ноги сводит

внезапной неприятной судорогой. Сейчас я чувствовала, что у меня полностью онемела и затекла ступня, ее покалывало иголками. При каждом шаге я подволакивала ее, хромала. И еще одно: уже несколько месяцев у меня постоянно мокрые глаза; слезы начинают течь внезапно и без причины.

Я решила, что сегодня, несмотря на боль, поднимусь на склон и огляжу Плоскогорье сверху. Наверняка в мире всё на своих местах. Может, это меня успокоит, снимет спазм в горле, и я почувствую себя лучше. Я несколько не жалела Большую Ступню. Но, увидев вдалеке его дом, вспомнила мертвое тело тролля в бежевом костюме и подумала о телах всех знакомых, счастливо живущих в своих домах. И я сама, моя ступня и худое, жилистое тело Матохи – все это показалось мне исполненным невероятной, невыносимой печали. Я смотрела на черно-белый пейзаж Плоскогорья и поняла, что печаль – важное слово в дефиниции мира. Она лежит в основе всего, это пятая стихия, квинтэссенция сущего.

Открывшийся передо мной ландшафт состоял из оттенков черного и белого, сплетенных между собой линиями деревьев на межах. Там, где травы остались нескошенными, снег не сумел накрыть поля однородной белой гладью. Стебли пробивались сквозь ее покров, и издалека это выглядело так, будто огромная рука принялась вычерчивать некий абстрактный узор, упражняться в коротких штрихах, тонких, едва заметных. Я видела четкие геометрические фигуры полей, полосы и прямоугольники, каждый из которых отличался по структуре, имел собственный оттенок, по-своему отражал торопливые зимние Сумерки. И наши дома, все семь, были расставлены таким образом, словно являлись частью окружающей среды, словно выросли здесь вместе с межами, в том числе ручей и мостик через него; всё, казалось, было старательно спроектировано и возведено, возможно, той же рукой, что упражнялась в эскизах.

Я бы тоже могла набросать карту по памяти. Наше Плоскогорье имело бы на ней форму толстого полумесяца, окруженного с одной стороны Серебряными горами, небольшой и невысокой горной грядой, которую мы делим с чехами, а с другой, польской – Белыми холмами. На нем всего одно поселение – наше. Деревня и городок расположены внизу, к северо-востоку, как и все прочее. Разница уровней между Плоскогорьем и остальной Клодзкой котловиной незначительная, но довольно ощутимая, чтобы чувствовать себя несколько превознесенным и смотреть на все свысока. Дорога поднимается с трудом, с северной стороны достаточно полого, но спуск с Плоскогорья по восточному краю в конце довольно крут, и зимой это бывает опасно. В суровые зимы

Дорожное управление, или как там оно называется, закрывает движение по этой трассе. Тогда мы ездим по ней незаконно, на собственный страх и риск. У кого, конечно, хорошая машина. Собственно говоря, я имею в виду себя. У Матохи только мопед, а у Большой Ступни были собственные ноги. Этот крутой отрезок мы называем Перевалом. Там неподалеку есть еще каменистый обрыв, но если кто сочтет его природным, то ошибется. Это остатки прежней каменоломни, которая когда-то вгрызалась в Плоскогорье и, наверное, совсем поглотила бы его пастями бульдозеров. Кажется, ее планируют открыть вновь, и тогда мы исчезнем с поверхности Земли, съеденные Машинами.

Через Перевал в деревню ведет грунтовая дорога, по которой можно проехать только летом. На западе она переходит в другую, более широкую, но еще не главную. На ней расположена деревня, которую я называю Трансильвания из-за тамошней атмосферы. Здесь имеются костел, магазин, заброшенные подъемники для лыжников и клуб. Линия горизонта высоко, поэтому постоянно царят Сумерки. Так мне кажется. На краю деревни есть еще небольшая дорога, которая ведет к Лисьей ферме, но я редко хожу в ту сторону.

За Трансильванией, перед самым выездом на международную трассу, есть крутой поворот, на котором часто происходят несчастные случаи. Дэн назвал его Поворотом Воловьего Сердца, потому что однажды видел, как из грузовика, ехавшего с бойни, которая принадлежит одному местному толстосуму, выпал ящик с ливером, и коровьи сердца рассыпались по проезжей части; по крайней мере так он утверждает. Мне эта картина кажется чудовищной, и вообще-то я не уверена, не привиделось ли ему. Дэн иногда слишком эмоционально реагирует на некоторые вещи. Города в Котловине связаны асфальтовым шоссе. В погожий день с нашего Плоскогорья можно увидеть и само шоссе, и нанизанные на него Кудову, Левин, а далеко-далеко на севере даже Новую Руду, Клодзко и Зомбковице – довоенный Франкенштайн.

Это уже дальние края. Я на своем Самурае обычно ездила в город через Перевал. После него можно свернуть налево и подъехать к границе, которая причудливо извивается, и не составляет труда незаметно перейти ее во время любой длительной прогулки. Со мной по невнимательности это частенько случалось, если в процессе своих обходов я забиралась так далеко. Но иногда мне нравилось переходить ее специально, целенаправленно, туда-сюда. Десять, двадцать, тридцать раз. Я забавлялась так с полчаса – притворялась, что нарушаю границу. Это доставляло мне удовольствие, поскольку я помнила времена, когда такое было невозможно. Я люблю преодолевать границы.

Первым я обычно проверяла дом Профессора и его жены, мой любимый. Он невелик и незамысловат. Молчаливый и одинокий домик с белыми стенами. Сами хозяева приезжали редко, чаще их дети с друзьями, тогда ветер доносил оттуда звонкие голоса. С открытыми ставнями, освещенный и наполненный громкой музыкой, дом казался слегка ошеломленным и оглушенным. Можно сказать, что с этими раскрытыми оконными проемами он напоминал увальня. Когда молодежь уезжала, дом приходил в себя. Его слабым местом была островерхая крыша. Снег сползал оттуда и до мая лежал у северной стены, через которую влага проникала внутрь. Приходилось браться за лопату, а это обычно работа тяжелая и неблагодарная. Весной моей задачей было позаботиться о садике – посадить цветы и ухаживать за теми, что уже росли на каменистом клочке земли перед домом. Это я делала с радостью. Случалось, требовался мелкий ремонт, тогда я звонила Профессору или его жене во Вроцлав, они переводили мне деньги. А я уж сама находила мастеров и следила за их работой.

Этой зимой я заметила, что в погребе поселились Летучие мыши, довольно внушительное семейство. Как-то раз мне пришлось туда спуститься, потому что почудилось, будто внизу течет вода. Вот была бы история, лопни какая-нибудь труба. Я увидела их – спящих, сбившихся в кучу под каменным сводом; мыши висели неподвижно, однако мне казалось, что сквозь сон они наблюдают за мной, что свет лампочки отражается в их открытых глазах. Я шепотом попрощалась с ними до весны и, не обнаружив аварии, на цыпочках вернулась наверх.

А в доме Писательницы расположились Куницы. Я не стала давать им имена, поскольку не могла ни сосчитать, ни отличить друг от друга. То, что этих зверьков нелегко увидеть, является их Свойством – они подобны духам. Появляются и исчезают так стремительно, что не верится, будто в самом деле их видел. Куницы – хорошие Животные. Они могли бы быть изображены на моем гербе, если бы таковой мне понадобился. Куницы выглядят нежными и беззащитными, но это иллюзия. На самом деле это опасные и коварные Существа. Они ведут свои местные войны с Котами, Мышами и Птицами. Воюют между собой. В доме Писательницы Куницы пробрались в зазор между черепицей и теплоизоляцией чердака и, подозреваю, занимаются там всякого рода разрушительной деятельностью – уничтожают минеральную вату и прогрызают дыры в деревянных плитах.

Писательница обычно приезжала в мае, на машине, доверху набитой книгами и экзотическими продуктами. Я помогала ей выгружать вещи, потому что у нее больной позвоночник. Она носила ортопедический воротник – кажется, когда-то попала в аварию. А может, позвоночник не выдержал постоянного сидения за столом. Писательница напоминала человека, пережившего гибель Помпеи, – вся словно присыпана пеплом; лицо пепельное, и цвет губ, и серые глаза, и длинные волосы, туго стянутые резинкой и собранные на макушке в небольшой пучок. Знай я ее немного похуже, наверняка прочитала бы написанные ею книги. Но я знала ее достаточно хорошо и поэтому боялась их открывать. Вдруг обнаружу там себя, описанную каким-то непонятным для меня образом. Или любимые места, которые для нее значили бы нечто совсем другое, чем для меня. В определенном смысле люди, подобные ей, те, что владеют пером, бывают опасны. Сразу начинаешь подозревать неискренность – что такой человек не является собой, что это глаз, который непрестанно наблюдает, а увиденное превращает во фразы; и таким образом, лишает действительность самого в ней главного – невыразимости.

Она оставалась здесь до конца сентября. Обычно не выходила из дому; лишь изредка, когда жара, несмотря на наши ветры, становилась невыносимой и липкой, укладывала свое пепельное тело в шезлонг и неподвижно лежала на солнце, старея еще больше. Если бы я могла увидеть ее ступни, может, оказалось бы, что она тоже является не Человеческим Существом, а какой-то иной формой существования. Русалкой логоса, сильфидой. Иногда к ней приезжала подруга, крепкая темноволосая женщина с ярко покрашенными губами. На лице у нее была коричневая родинка, что, по моему мнению, указывает на присутствие Венеры в первом доме в момент Рождения. Тогда они вместе готовили, будто воскрешая архаические ритуалы родства. Прошлым летом я несколько раз пробовала их стряпню: пряный суп с кокосовым молоком, драники с лисичками. Готовили они хорошо, вкусно. Подруга относилась к Пепельной очень нежно и заботилась о ней, как о ребенке. Она наверняка знала, что делает.

Самый маленький домик, у сырой рожицы, недавно купила шумная семья из Вроцлава. У них двое толстых, избалованных детей-подростков и продуктовый магазин в районе Кшики. Дом они собирались перестроить и превратить в польское шляхетское имение – сделают колонны и крыльцо, а сзади будет бассейн. Так рассказывал мне отец семейства. Но начали они с того, что возвели вокруг бетонный забор. Они платили щедро и просили ежедневно заглядывать внутрь – проверять, не взломана ли дверь. Дом был старым, запущенным и, казалось, хотел, чтобы его оставили в покое, позволили

дряхлеть, потихоньку продвигаясь в будущее. Но в этом году его ждала революция, уже привезены и выгружены перед воротами кучи песка. Ветер все время сдувал пленку, которой их накрыли, и мне стоило немалых усилий снова ее натянуть. На участке имелся маленький родник, хозяева собирались сделать там рыбные пруды, установить гриль. Звались они Колодежные. Я долго раздумывала, не дать ли им какое-нибудь другое, свое имя, однако потом пришла к выводу, что это один из двух известных мне случаев, когда фамилия Человеку подходит. Это действительно были люди из колодца – такие, которые упали в него давным-давно и теперь обустроиваются на дне, полагая, что колодец и есть мир.

Последний дом, у самой дороги, сдавался. Чаще всего там жили молодые супруги с детьми, которым хотелось провести выходные на природе. Иногда любовники. Случались и подозрительные субъекты, напивавшиеся вечером и всю Ночь оравшие пьяными голосами, а потом спавшие до полудня. Все они проскальзывали через наш Люфциг, словно тени. Люди на выходной. Однодневки. Маленький, безлико отремонтированный домик принадлежал самому богатому человеку в округе, имевшему недвижимость в каждой долине и на каждом плоскогорье. Фамилия этого типа была Нутряк – это как раз и был тот самый второй случай соответствия имени владельцу. Говорят, он приобрел этот дом ради участка земли, на котором тот стоит. Говорят, купил землю, чтобы потом устроить здесь каменоломню. Говорят, все Плоскогорье может превратиться в одну большую каменоломню. Говорят, мы живем на золотой жиле под названием гранит.

Мне приходилось прилагать немало усилий, чтобы ничего не упустить. А ведь еще мостик – стои?т ли, не подмыло ли водой опоры, достроенные после последнего наводнения. И не прохудился ли он. Заканчивая обход, я еще раз оглядывала окрестности и, пожалуй, должна была бы чувствовать себя счастливой, что все это существует. Ведь этого могло бы просто не быть. Могла быть только трава – длинные пряди степной травы, исхлестанные ветром, и соцветия девясила. Такая картинка. Или вообще ничего – пустое место в космическом пространстве. Может, так оно было бы и лучше для всех.

Шагая во время своих обходов по полям и пустошам, я любила представлять себе, как все это будет выглядеть через миллионы лет. Сохранятся ли те же растения? А цвет неба, останется ли он таким же? Не сдвинутся ли тектонические плиты, не вспучится ли высокая горная гряда? А может, здесь образуется море, и под ленивое перекачивание волн исчезнет сам повод

употреблять слово «место»? Несомненно одно – этих домов здесь не будет, мои усилия слишком скудны, малы, точно булабочная головка, собственно, как и моя жизнь. Вот о чем следовало бы помнить.

Дальше, если выйти за околицу, пейзаж менялся. Повсюду торчали восклицательные знаки, вонзенные в него острые иглы. Когда взгляд натыкался на них, у меня начинали дрожать веки; эти деревянные конструкции, установленные на полях, на межах, на опушке леса, царапали глаза. На Плоскогорье их было восемь, я это точно знала, потому что воевала с ними, словно Дон Кихот с ветряными мельницами. Их сбивали из бревен, крест-накрест, они сплошь состояли из крестов. Эти уродливые постройки стояли на четырех ногах, а сверху торчала деревянная будка с бойницами. Амвоны. Это название всегда меня удивляло и раздражало. Что проповедовали с этих амвонов? Какую весть провозглашали? Разве это не верх гордыни, не дьявольский замысел – назвать амвоном место, с которого убивают?

Я еще различаю их силуэты. Прищуриваюсь, и очертания размываются, исчезают. Я поступаю так только потому, что не в силах выдержать их присутствия рядом. Однако это правда, что кто желает, но не действует, – разводит Чуму. Так утверждал наш Блейк.

Стоя так и глядя на амвоны, я могла в любой момент обернуться, чтобы аккуратно, словно волосок, подхватить потрепанную, шероховатую линию горизонта. Заглянуть за нее. Там лежит Чехия. Туда убегает Солнце, когда вдоволь насмотрится на все эти ужасы. Туда опускается на Ночь моя Дева. О да, Венера ночует в Чехии.

Вечера я проводила так: садилась на кухне за большой стол и занималась тем, что люблю больше всего. Вот мой большой кухонный стол, на нем компьютер, который привез мне Дэн и в котором я использую одну-единственную программу. Вот «Эфемериды», бумага для записей, несколько книг. Мюсли, которыми я лакоплюсь всухомятку во время работы, и чайник с черным чаем; другого я не пью.

Собственно говоря, я могла бы все вычислять вручную и, может, даже немного жалею, что не делаю этого. Но кто сейчас пользуется логарифмической линейкой?

Однако если бы когда-нибудь в будущем мне пришлось составлять Гороскоп, находясь в пустыне, без компьютера, без электричества и без всяких Орудий труда, я бы справилась. Мне бы потребовались только мои «Эфемериды», так что, спроси вдруг меня кто-нибудь (но, к сожалению, никто не спросит), какую книгу я взяла бы с собой на необитаемый остров, я бы ответила, что эту. «Эфемериды планет. 1920–2020».

Меня интересовало, можно ли распознать в человеческих гороскопах дату смерти. Смерть в Гороскопе. Как она выглядит. Как проявляется. Какие планеты играют роль Мойр? Здесь, внизу, в мире Уризена[З - Уризен – персонаж книги Уильяма Блейка «Книга Уризена», олицетворяющий в его мифологии несвободное сознание современной поэту действительности.], действует закон. От звездного неба до морали внутри нас. Это строгий закон, не знающий жалости и исключений. Если существует очередность Рождения, то почему не быть очередности Смерти?

За все эти годы я собрала тысячу сорок две даты рождения и девятьсот девяносто девять дат смерти и продолжаю вести свои скромные исследования. Проект без евросоюзских дотаций. Кухонный.

Я всегда считала, что Астрологию следует изучать на практике. Это серьезная наука, в значительной мере эмпирическая и не менее точная, чем, скажем, психология. Надо внимательно наблюдать за несколькими личностями из своего окружения и сопоставлять ситуации их жизни с расположением планет. Также следует проверять и анализировать одни и те же События, в которых участвуют разные люди. Очень быстро можно заметить, что схожие астрологические формулы описывают схожие происшествия. И тогда переживаешь озарение: о да, система существует, до нее рукой подать. Ее определяют звезды и планеты, а небо – шаблон, по которому создается узор нашей жизни. Если провести более тщательный анализ, здесь, на Земле, можно будет по самым незначительным деталям угадывать расположение планет на небе. Послеобеденная буря, письмо, которое почтальон сунул в дверную щель, перегоревшая лампочка в ванной. Ничто не ускользнет от этой системы. На меня это действует словно алкоголь или один из этих новых наркотиков, которые, в моем представлении, наполняют человека чистым восторгом.

Следует внимательно смотреть и слушать, сопоставлять факты. Видеть сходство там, где другие видят лишь различия, помнить, что некоторые события

происходят на разных уровнях или, иначе говоря, многие происшествя являются аспектами одного и того же явления. И что мир – большая сеть, единое целое, и нет ничего, что существовало бы обособленно. Что каждый мельчайший фрагмент мира соединен с другими при помощи сложного Космоса взаимосвязей, непостижимых для обычных умов. Вот как это устроено. Наподобие японского автомобиля.

Дэн, который способен с головой уйти в рассуждения о причудливой символике Блейка, не разделяет моей страсти к Астрологии. Это потому, что Дэн родился слишком поздно. У его поколения Плутон в Весах, а это немного ослабляет чутье. Эти дети пытаются уравновесить ад. Не думаю, чтобы им это удалось. Возможно, они умеют писать заявки на грант, однако чутье большинство из них утратило.

Я росла в прекрасную эпоху, увы, миновавшую. Были в ней поразительная готовность к изменениям и умение строить революционные планы. Сейчас всем недостает мужества придумать что-то новое. Они без конца обсуждают то, что есть, и развивают идеи прошлого. Действительность состарилась, замшела, ведь она подчиняется абсолютно тем же законам, что и любой живой организм, – старению. Ее мельчайшие составляющие – смыслы – подвержены апоптозу, подобно клеткам тела. Апоптоз – естественная смерть, вызванная усталостью и истощением материи. По-гречески это слово означает листопад. Ветви мира оголяются.

Однако спустя некоторое время должно наступить что-то новое; так всегда было – разве это не забавный парадокс? Уран находится в Рыбах, но когда он перейдет в знак Овна, начнется новый цикл, и действительность родится вновь. Весной, через два года.

Изучение гороскопов доставляло мне удовольствие, даже когда я открывала эти механизмы смерти. В движении планет есть нечто гипнотическое, оно прекрасно, его нельзя ни остановить, ни ускорить. Приятно думать, что эта система выходит далеко за пределы времени и места Янины Душейко. Приятно быть в чем-то абсолютно уверенной.

Итак: в случае естественной смерти следует проанализировать положение хилега, то есть небесного тела, которое впитывает для нас жизненную энергию из Космоса. Для рожденных днем им является Солнце, для рожденных ночью – Луна, а в некоторых случаях хилегом становится управитель Асцендента. Смерть

наступает обычно тогда, когда хилег достигает какого-то особенно негармоничного аспекта с управителем восьмого дома или расположенной в нем планетой.

Размышляя об угрозе внезапной смерти, я учитывала хилег, его дом и планеты, размещенные в этом доме. При этом я обращала внимание на то, какая из зловредных планет – Марс, Сатурн или Уран – сильнее хилега и образует с ним негативный аспект.

В тот день я принялась за работу и вытащила из кармана смятый листок, на котором записала данные Большой Ступни, чтобы проверить, в урочный ли час наведалься к соседу смерть. Когда я вводила дату его рождения, то взглянула на саму бумажку. И увидела, что это страничка из охотничьего календаря, мартовская. Таблица с изображениями Животных, на которых разрешено охотиться в этом месяце.

Гороскоп появился передо мной на экране и на час приковал мое внимание. Сначала я проверила Сатурн. Именно Сатурн в постоянном знаке часто предвещает, что человек умрет, задохнувшись, подавившись или повесившись.

Я трудилась над Гороскопом Большой Ступни два вечера, пока не позвонил Дэн – пришлось отговаривать парня от идеи приехать. Его старенький мужественный «фиатик» увяз бы в этом размокшем снегу. Пускай этот замечательный мальчик сидит в рабочем общежитии и переводит Блейка. Пускай проявляет в темных закоулках своего разума английские негативы, обращая их в польские фразы. Будет лучше, если он приедет в пятницу, тогда я расскажу ему все и в качестве доказательства продемонстрирую точный расклад звезд.

Мне следует быть осторожной. Осмелюсь признаться: Астролог, увы, из меня неважный. В моем характере есть некий изъян, который размывает картину расположения планет. Я смотрю на них через призму своего страха и, несмотря на кажущуюся беззаботность, которую мне наивно и простодушно приписывают окружающие, вижу все словно в темном зеркале, сквозь закопченное стекло. Я смотрю на мир так же, как другие – на затмение Солнца. Да, я вижу затмение Земли. Вижу, как мы ощупью продвигаемся в вечной Тьме, словно Жуки в коробке, посаженные туда жестоким ребенком. Нас легко повредить и обидеть, поломать на куски наше причудливое, искусно выстроенное бытие. Во всем я выискиваю ненормальное, страшное и угрожающее. Вижу одни лишь Катастрофы. Но вначале было Падение, неужели возможно пасть еще ниже?

В любом случае я знаю дату собственной смерти, а потому чувствую себя свободной.

5. Свет сквозь пелену дождя

Тюрьмы строятся из камней закона,

публичные дома – из кирпичей религии.

Удар, приглушенный хлопок, словно в соседней комнате кто-то лопнул надутый бумажный пакет.

Я села на кровати с ужасным предчувствием, что происходит что-то плохое и что этот звук – возможно, чей-то смертный приговор. Послышались еще хлопки, и я, еще не совсем проснувшись, начала торопливо одеваться. Остановилась посреди комнаты, запутавшись в свитере, внезапно обессилев – что делать? Погода, как всегда в такие дни, стояла отличная, бог погоды, видимо, на стороне охотников. Солнце ослепительно сияло, оно только взошло и, еще красное от усилий, бросало длинные сонные тени. Я вышла из дома, и снова показалось, что вот сейчас Девочки меня обгонят, выбегут на снег, радуясь наступившему дню, и станут демонстрировать свою радость так откровенно и бесстыдно, что она передастся и мне. Я брошу в них снежком, и они воспримут это как приглашение к шалостям и начнут свои беспорядочные догонялки, в которых преследовательница вдруг становится преследуемой, причина беготни ежесекундно меняется, а радость в конце концов делается такой огромной, что нет другого способа ее выразить, кроме как бешено носиться вокруг дома.

Я снова почувствовала на щеках слезы – может, надо обратиться к врачу Али, который, правда, дерматолог, но во всем разбирается и все понимает. Похоже, мои глаза серьезно больны.

Поспешно направляясь к Самураю, я сняла со сливы наполненный льдом полиэтиленовый пакет и взвесила его в руке. «Die kalte Teufelshand», всплыло в памяти из глубины, из прошлого. «Фауст»? Ледяной чертов кулак. Самурай

завелся с первого раза и послушно, словно понимая мое состояние, двинулся по снегу. В багажнике загремели лопаты и запасное колесо. Трудно было установить, откуда доносятся выстрелы; они отражались от стены леса, множились. Я поехала в направлении пограничного перехода и километра через два увидела их автомобили – навороченные джипы и небольшой грузовик. Какой-то Человек стоял рядом и курил. Я прибавила скорость и проехала совсем рядом с этой стоянкой. Самурай, очевидно, понимал, что от него требуется, и энергично разбрызгивал вокруг мокрый снег. Человек пробежал за мной несколько метров, размахивая руками, видимо, пытался остановить. Но я не обращала на него внимания.

Я увидела, как они идут неплотной цепью. Два или три десятка мужчин в зеленых охотничьих костюмах, пятнистых ветровках защитного цвета и этих идиотских шляпах с перьями. Я остановила машину и побежала к ним. Некоторых я знала. Они тоже меня заметили. Смотрели с удивлением и весело переглядывались.

– Что, черт возьми, происходит? – крикнула я.

Подошел один из них, загонщик. Это был тот самый усатый мужчина, который заходил за мной на следующий день после смерти Большой Ступни.

– Пани Душейко, не приближайтесь, пожалуйста, это опасно. Пожалуйста, идите отсюда. Мы стреляем.

Я помахала руками перед его лицом.

– Это вы убирайтесь прочь. Или я звоню в Полицию.

К нам подошел еще один мужчина, отделившийся от остальных, я его не знала. Он был одет в классический охотничий костюм со шляпой. Цепь двинулась вперед; они держали перед собой ружья.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Домашний дух, приносящий всякого рода мелкие неприятности. (Здесь и далее – примеч. пер.)

2

То есть в переводе с немецкого. Речь идет о «возвращенных территориях» – бывших немецких землях, отошедших к Польше по условиям Ялтинской и Потсдамской конференций, а также переговоров с СССР 1945–1956 годов.

3

Уризен – персонаж книги Уильяма Блейка «Книга Уризена», олицетворяющий в его мифологии несвободное сознание современной поэту действительности.

Купить: https://telnovel.com/tokarchuk_ol-ga/vedi-svoy-plug-po-kostyam-mertvecov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)